Документы и мемуары

ЛЕТОПИСЕЦ С НОВЫМИ ИЗВЕСТИЯМИ О ВОССТАНИИ БОЛОТНИКОВА

В. И. КОРЕЦКИЙ

Советскими историками обнаружен ряд важных материалов о восстании И. И. Болотникова [1]. Тем не менее публикуемый летописец, содержащий оригинальный рассказ о восстании И. И. Болотникова, явившемся кульминационным пунктом крестьянской войны начала XVII в. представляет несомненный интерес.

Летописец с новыми известиями о восстании И. И. Болотникова находится в сборнике первой четверти XVIII в., в 4°, среди рукописей Н. П. Лихачева (ЛОИИ, ф. 238, оп. 1, № 137). Рукопись плохо сохранилась. Утраченный текст там, где представляется возможным, восстанавливается нами по смыслу и заключен в квадратные скобки. Публикуемый летописец входит в состав более обширного летописца, ведущего повествование с восточных славян и прихода на Русь Рюрика. Сколько-нибудь самостоятельные сообщения появляются в нем лишь с начала XVI в. и относятся главным образом к военным действиям и оборонительному строительству в Туле, Коломне, Кашире, Зарайске (лл. 96 — об. 99), пожарах в Новгороде, Костроме и Нижнем Новгороде (л. 100), море 1576—1579 гг. (л. 104 об.). Учреждение опричнины в 1565 г., как это свойственно авторам, писавшим в XVII в., объединено с событиями осени 1575 г., когда Иван Грозный посадил на «великое княжение» Симеона Бекбулатовича, а последний спутан с Симеоном Касаевичем: «...царь Иван изволя опришнину учинил и посох свой клал, и казанского царя Симеона на государство сажал, и многих казнил, и поместья и вотчины отнимал, и из городов в города переводил» (л. 104). Несмотря на указанные ошибки, здесь довольно четко определена сущность опричной политики в отношении представителей господствующего класса, отмечены массовые казни, конфискации земельных владений, «переборы» служилых людей.

Листы 105—114 об. занимает публикуемый летописец. Один из листов

[1] Г. Н. Бибиков. Новые данные о восстании Болотникова. «Исторический архив», т. I, М., 1936, стр. 5—13; А. А. Зимин. К истории восстания Болотникова. «Исторические записки», т. 24, М., 1947; М. Н Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова. «Исторический архив», т. VI, М.— Л., 1951, стр. 81—130; А. А. Зимин и Р. Г. Королева. Документ разрядного приказа. «Исторический архив», т. VIII, М., 1953, стр. 29—60; Е. И. Вайнберг. Челобитные смоленского помещика — участника похода против Болотникова. Там же, стр. 61—70; Р. В. Овчинников. Боярский список 1607 г. Там же, стр. 71—79; О. А. Яковлева. Пискаревский летописец. «Материалы по истории СССР», вып. II, М., 1955, стр. 7—144; В. И. Корецкий. К истории восстания И. И. Болотникова. «Исторический архив», 1956, № 2, стр. 126—145; его же. Новый документ по истории русского города времени крестьянской войны и польско-шведской интервенции. «Археографический ежегодник за 1964 г.», М., 1965; стр. 316—322; его же. Новое о Болотникове. «Советские архивы», 1967, № 4.

этого летописца выпал и при переплете попал в начало рукописи — л. 43—43 об.

В конце сборника помещена подборка материалов о Лжедмитрии I (лл. 115—129 об.), сходная с имеющейся в Академическом сборнике 34.8.25, принадлежавшем М. Г. Головкину [2], но список «Извета» Варлаама в нем (лл. 115—119) лучше, чем в Академическом сборнике.

Публикуемый летописец представляет вполне самостоятельное изложение событий со смерти Ивана Грозного до развала Тушинского лагеря в 1610 г. Автор его сообщает о смерти Ивана IV, даче царевичу Дмитрию в удел Углича и о венчании на царство Федора Ивановича. Но особый интерес проявляет он к событиям на востоке страны, связанным с Поволжьем, преимущественно с Казанью. Под 1584—1585 гг. помещено известие о посылке из Казани татарских голов Федора Турова и Зелешенина Волохова с дворянами из Костромы, Суздаля, Ярославля, Владимира, Арзамаса «и из иных городов поволжских». Головы дошли до «селяных озер» и после сражения с башкирами повернули назад (лл. 105 об.— 106). В следующем году те же головы с служилыми людьми, которые «преж сего были с ними в сибирских улусах», бились с «башкирцами» и «сибиряками» (л. 106 об.). Об этих посылках нет ничего ни в опубликованных разрядах, ни в Новом летописце [3].

Ермак отправляется на покорение Сибири не просто «с Волги», как это сказано в Новом летописце и в сибирских летописях, а «ис Казани» (л. 106). Отмечены строительство Семеном Сабуровым и Деменшой Черемисиновым Цывильска, поездка крымского царевича Малат-Кирея осенью 1588 г. из Астрахани в Москву, поставление патриархом Иовом в Казань митрополита Гермогена (лл. 107—107 об.). Летописец специально подчеркивает, что в походе под Ругодив в 1590 г. участвовали «яицкие и астраха[нские] атаманы [казаки]... [и] стрельцы, в прибылых полках касимовский царь с татары и романовские мурзы с татары, а казанския и свияжския и чебоксарския и кузмодемьянския и всех городов татарове и нагайския многия кочевые татары» (лл. 108—108 об.).

Показательно, что опубликованный М. Н. Тихомировым летописец, составленный на русском Севере в Соловецком монастыре, рассказывая о ругодивском походе, обо всем этом умалчивает [4].

Под 1591 г. подробно сообщается о посылке дворян и детей боярских «всех городов», очевидно и поволжских, на службу в Новгород и о приходе летом под Москву крымского царя Казы-Гирея. Заслуживает внимания указание на место боя между крымскими людьми и русским войском и на обстоятельства, заставившие крымцев отступить: «И крымский царь ис-под Коломенскова прислал колгу царевича и многих людей мурз и татар. И бой быть царским воеводам с ними в недели меж Котла и Москвою-рекою, к Воробьеву, где ныне пречистая Донская. И крымских людей многих побили. И царь Федор повеле по чюдотворцем и по всем приходам молебны пети. [И] на радости велел в полку [и в Москв]ве: в Деревяном и в Ка[меном] и в Белом городе и в Китае и в Кремле изо всего наряду — ис пушек и ис пищалей стрелять. И крымский [царь], услыша такую стрельбу убояся, в другую нощь против понедельника с воскресенья побежал ис-под Москвы..» (лл. 110 об.— 111).

Сведения о месте сражения, приведенные летописцем, согласуются с данными разрядов, где обоз, в котором расположились русские войска,

---

[2] Описание этого сборника см. «Исторические сборники XV—XVIII вв. Описание рукописного отдела БАН СССР», т. 3, вып. 2, М.— Л., 1965, стр. 121—126; Е. Н. Кушева. Из истории публицистики смутного времени, Саратов, 1926, стр. 53—54.

[3] Впрочем, в разрядах под 1591 г. упомянут Федор Туров «в новом городе на Саратове острове голова» (В. И. Буганов. Разрядная книга 1475—1598 гг., М., 1966, стр. 436).

[4] М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники, «Исторический архив», т. VII, М., 1951, стр. 230—231.

помещается «за Деревяным городом меж Серпуховские и Колужские дороги», «на речке на Котле»[5].

В этой записи чувствуется рука современника, участника событий, притом человека светского, склонного объяснять причину поспешного отступления Казы-Гирея реальными причинами: поражением в бою у Москвы-реки, радостным подъемом у русских, праздновавших победу оглушительной пушечной пальбой. В Новом же летописце приведена другая версия, отводящая первенствующую роль вещему пророчеству царя Федора[6].

Автор публикуемого летописца придерживается дворянских позиций и не упускает случая указать на то, что царское денежное жалование было выдано в 1591 г. после отражения набега Казы-Гирея в Серпухове «*всей земле* (курсив здесь и далее мой.— *В. К.*) за службу» и что позднее Борис Годунов «сел на царство» «по прошению у государыни царицы Ирины Федоровны *всей земли*», имея в виду земский собор 1598 г. и участие в его работе прежде всего дворянских представителей. Напомним, как на земском соборе 1580 г. дворянские представители «*всей землей*» просили Грозного «о мире, заявляя, что больше того с их сел не возьмешь, против сильного господаря (Стефана Батория.— *В. К.*) трудно воевать, когда из-за опустошения их вотчин не имеешь на чем и с чем»[7].

Наибольший интерес представляют сведения о восстании И. И. Болотникова, изложенные в форме связного оригинального рассказа, столь редкого для русских источников.

Центральное место в событиях отводится И. И. Болотникову, который, узнав о появлении «вора», называвшего себя «в Растригино место царевичем Димитрием Ивановичем», двинулся «с украинцы и с рязанцы» на Москву, чтобы заставить жителей столицы «целовать крест» «царю Дмитрию». Летописец, не называя ни места, где появился новый самозванец, ни его имени, передает те слухи, которые распространились в народной среде вскоре после гибели Лжедмитрия I. Сходные слухи о «спасении» «царя Дмитиря» сообщают и Новый летописец и Карамзинский хронограф, но там они не связываются с Болотниковым[8]. Только в записках К. Буссова подробно говорится о встрече Болотникова в Польше с лицом, выдававшим себя за «царя Дмитрия», поставившего его воеводой над своим войском[9]. В восстании И. И. Болотникова лозунг борьбы за «царя Дмитрия» играл большую роль, хотя им, конечно, цели восставших крестьян и холопов не ограничивались. Приведенное место показывает, что эту наивную веру в «царя Дмитрия» в какой-то мере разделял, по-видимому, и сам Болотников.

Одно из известий летописца может быть отнесено к биографии И. И. Болотникова, еще далеко не выясненной.

С. Ф. Платонов предположил в свое время, что И. И. Болотников был не простым холопом, а военным — «слугой (из военной свиты) князя Телятевского»[10]. Теперь это предположение подтвердилось. В летописце И. И. Болотников назван «слугой князя Андрея Телятевского» (л. 113 об.). А это значит, что уже в Москве им были приобретены определенные военные навыки, развившиеся позднее во время пребывания его у полевых казаков, а затем в Венгрии.

---

[5] В. И. Буганов. Указ. соч., стр. 442. В Соловецком летописце сказано, что воеводы встретили татар «за Ямскою слободою и учали с ним дело делати» (М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники, стр. 231).

[6] ПСРЛ, т. XIV, стр. 43.

[7] М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века. «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 16.

[8] ПСРЛ, т. XIV, стр. 70; А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции, М., 1869, стр. 331.

[9] К. Буссов. Московская хроника. 1584—1613, М.— Л., 1961, стр. 138—139.

[10] С. Ф. Платонов. Социальный кризис смутного времени, Л., 1924, стр. 97, прим. 6.

До сих пор историки располагали тремя источниками (двумя иностранными и одним русским) об общей численности войск восставших в их походе на Москву. В Английском донесении она определена в 60 тыс. человек[11]. Из показаний К. Буссова можно заключить, что у восставших под Москвой было 100 тыс. человек (60 тыс. под командованием И. И. Болотникова и 40 тыс. под командованием Истомы Пашкова)[12]. Наконец, автор «Казанского сказания» называет уже совершенно фантастическую цифру в 187 тыс. человек[13]. Соответственно указывались и потери Болотникова в сражении под Москвой 2 декабря 1606 г. Согласно К. Буссову, в этом сражении было взято в плен одних казаков 10 тыс. человек, не считая убитых. «Казанское сказание» исчисляет потери восставших в 21 тыс. пленными и более 1 тыс. убитыми[14].

В публикуемом летописце приведена более реальная общая цифра войск Болотникова, участвовавших в походе на Москву,— 30 тыс. человек. В сражении же 2 декабря царскими войсками было пленено 700 человек, а убито 1500 (л. 113 об.). Называя столь незначительное число пленных, летописец оговаривается, что «з достальными во[ры] Ивашко побежал в Калугу. А иные воры, товарыщи Ивашковы, царю вину свою принесли» (лл. 113 об.— 43). Под «иными ворами» автор, очевидно, имел в виду казаков, которые, будучи окружены в Заборье, сдались царю «за крестным целованьем», в дальнейшем ими нарушенным в битве на Пчельне. К этим казакам и относится, скорее всего, цифра пленных, приведенная К. Буссовым. И. Масса пишет о 6 тыс. пленных, взятых под Москвой, большинство которых составляли казаки[15]. Между тем из Карамзинского хронографа известно, что с Болотниковым в Калугу отступило более 10 тыс. человек, а остальные «многие же люди с вогненным боем» бежали в Тулу[16]. Таким образом, цифры потерь и уцелевших в сражении 2 декабря 1606 г., извлеченные из различных источников, примерно сходятся с общей численностью войск восставших, указанной в летописце. В приведенных же выше данных Английского донесения, К. Буссова и «Казанского сказания» ни о каком, даже весьма отдаленном соответствии, говорить не приходится. Отсюда можно заключить, что в сражении под Москвой Болотников потерял убитыми и пленными треть своей армии, а две трети спаслись бегством в Калугу и Тулу.

Честь победы в сражении под Москвой летописец склонен отдать молодому кн. М. В. Скопину-Шуйскому, популярному в служилой среде.

Любопытны известия о «царевиче» Петре, который приходит на помощь «к вору» в этот критический для восставших момент (л. 43). В «Казанском же сказании» уже начало восстания в Путивле связывается с именем «царевича», пославшего якобы «перед собою из Путимля под Москву Ивашка Исаева сына Болотникова», что совершенно не соответствует действительности[17]. О переписке между казачьим самозванцем и кн. Григорием Шаховским, просившим его скорее прийти в Путивль, сообщает К. Буссов[18]. И его сообщение подтверждается показаниями самого «царевича», данными им после сдачи Тулы[19]. «Царевич» в летописце, однако, ошибочно назван «Михайловым человеком Елагина». Из показаний «царевича» Петра видно, что в течение зимы 1603—1604 г.

[11] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607, М., 1951, приложение IV, стр. 552.

[12] К. Буссов Указ. соч., стр. 140.

[13] М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова. «Исторический архив», т. VI, М.— Л., 1951, стр. 116.

[14] К. Буссов. Указ. соч., стр. 140; М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова, стр. 117.

[15] И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в., М., 1937, стр. 163.

[16] А. Попов. Указ. соч., стр. 332.

[17] М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова, стр. 141.

[18] К. Буссов. Указ. соч., стр. 141.

[19] «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы», М., 1959, стр. 226.

он «приказался во двор Григорью Елагину»[20]. Это одна из двух незначительных погрешностей, обнаруженных нами в летописце, при общей большой достоверности сообщаемых им сведений о восстании И. И. Болотникова. Другая — отнесение восстания к «115»-му году (тогда, как оно началось летом «114»-го), объясняемая тем, что основные события, о которых говорится в летописце, восстанавливаемые автором в основном по памяти, разыгрались после 1 сентября 1606 г. Падение же Тулы верно отнесено им к «116»-му году.

Важные сведения содержатся в летописце относительно основного контингента приведенных «царевичем» Петром военных сил. Если Болотников намеревался взять столицу «с украинцы и с рязанцы», то с «царевичем» пришли люди «ис понизовских и ис поволских городех». И не только казаки, как это можно было до сих пор заключать из соответствующего места «Казанского сказания», но и стрельцы. Наш автор указывает на присутствие в войске «царевича» стрельцов из ряда поволжских городов: «И астраханские, и терские, и саратовские и са[мар]ские стрельцы крест [ему] [це]ловали» (л. 43 об.). Этот факт о поддержке восстания стрельцами поволжских городов в других источниках отсутствует. Но он объясняет в какой-то мере высокую боеспособность войск восставших, разгромивших в сражении на Пчельне 3 мая 1607 г. войска В. Шуйского.

Антифеодальная сущность движения «царевича» Петра нашла выражение в массовых избиениях дворян на всем пути следования его отряда. Она не укрылась от летописца: «И поцеловав [крест], [они] (перешедшие на сторону царевича стрельцы.— *В. К.*) многих д[ворян побили]» (л. 43 об.). Подтверждение этому известию находим в гневных тирадах автора Пискаревского летописца, который, перечисляя имена казненных «царевичем» бояр, восклицает: «а дворян и детей боярских без числа крови пролилось»[21], и в сообщении «Карамзинского хронографа» о склонности «царевича» чинить расправу над дворянами уже в самом начале движения, когда он возвращался вниз по Волге после неудачной попытки прийти на помощь Лжедмитрию I. В Карамзинском хронографе приведен любопытный рассказ о том, как после битвы на Восьме в июне 1607 г. по челобитью дворян и детей боярских нижегородцев и арзамасцев была сохранена жизнь семерым пленным повстанцам за то, что «оне тем дворянам учинили добро: как они шли казаки (вар. «х Козани».— *В. К.*) с Терка с вором с Петрушкою Волгою к вору к Розтриги и воротились с вором Волгою назад, и тех дворян встретили на Волге, и вор их хотел убить, и оне их не дали убить»[22]. Свидетельствуя о наличии разногласий в отряде «царевича» по вопросу об истреблении дворян, этот эпизод рисует его самого как решительного противника дворян уже на начальной стадии движения.

Верно передано в летописце и стремление «царевича» Петра к объединению сил восставших, обнаружившееся в том, что он не предпринял самостоятельного похода на Москву, а пошел на выручку Болотникова, осажденного в Калуге «... и не пошед к Москве, пошед на помочь к Ивашке. И стал на Туле» (л. 40 об.). Когда попытки освободить Калугу от осады, действуя из Путивля, потерпели неудачу, «царевич» Петр решил перебазироваться в Тулу, чтобы, соединившись с тульскими повстанцами, нанести удар по правительственным войскам. Правильность этого решения подтвердила блестящая победа на Пчельне. Однако в дальнейшем у восставших не хватило сил, чтобы сразу же после этой победы организовать новый поход на Москву[23]. Когда же такие силы

[20] Там же, стр. 224.
[21] О. А. Яковлева. Указ. соч., стр. 130.
[22] И. И. Смирнов. Краткий очерк истории восстания Болотникова, М., 1953, Приложение, стр. 146.
[23] И. Масса. Указ. соч., стр. 170.

были собраны, то было уже поздно и царские войска перекрыли пути в столицу.

Версия летописца о сдаче Тулы разнится от приведенной в царских грамотах, рассылавшихся по городам с известием о победе. Вопрос об обстоятельствах падения Тулы изложен в источниках очень противоречиво. По-разному решался он и в исторической литературе [24]. Поэтому всякое новое свидетельство на этот счет представляет большую ценность. В летописце сказано: «И как царь Василий Тулу водою потопил,— о том мастер был муромец сын боярской Мешок,— и вор Петрушка и боярин его Ивашко Болотников со всеми [людьми] здалися во 116-ом году» (л. 43 об.). Знание автором летописца прозвища муромского помещика И. С. Кровкова («муромец сын боярской Мешок»), по предложению которого была затоплена Тула, показывает его большую осведомленность. То же прозвище находим в «Рукописи Филарета»—«воин града Мурома, зовомый Мешок Кровков» [25]. Уже в силу этого расхождение летописца с официально принятой версией заслуживает особого внимания.

Если в официальной версии, представленной царскими грамотами, подчеркивалось, что кн. А. Телятевский, кн. Г. Шаховской, И. Болотников и тульские сидельцы государю «добили челом», выдав «царевича» Петра [26], то летописец говорит о сдаче самого «царевича» вместе с «боярином его» Болотниковым и «со всеми людьми». Отличаясь от версии грамот, версия летописца в то же время совпадает с тем, как обстоятельства падения Тулы изложены в показаниях «царевича» Петра, данных им 10 октября 1607 г. «перед государевы бояры и перед всею землею», в так называемых его «распросных речах».

«Распросные речи» сохранились не в подлиннике, а в виде выписи, сделанной в Москве для Соли-Вычегодской. Открываются они сообщением о сдаче Тулы, переданным следующим образом: «116 октября в 10 день, как государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси город Тула и которые воры сидели на Туле Илейка Муромец, что назывался, воровским умышлением, блаженныя памяти государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии сыном, царевичем Петром, да Ивашко Болотников, и казаки донские, и волские и терские, и черкасы, всякие многие люди розных городов, и тульские жильцы, посадские люди, государю добили челом, и началник их, вор Илейка Муромец, сказал про себя сам, перед государевы бояры и передо всею землею» [27].

«Царевич» Петр по этой версии не выдается Болотниковым, а сам вместе с другими осажденными «добивает челом» и сообщает о себе сведения, если и не добровольно, то, очевидно, без пытки: «сказал про себя сам, перед государевы бояры и передо всей землею».

Последние слова показывают, что московские приказные, делая выписку из подлинных «речей» «царевича» для отсылки в Соль-Вычегодскую, не занимались составлением новой версии, а воспользовались готовой, уже имевшейся в подлинных «речах» «царевича», объяснявшей, при каких обстоятельствах заявил он о своем самозванстве. Как видно из «Карамзинского хронографа» (автором которого, как показал

---

[24] См. С. Н. Быковский. Мнимая «измена» Болотникова. «Проблемы источниковедения», т. II, М.— Л., 1936, стр. 46—49; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 469—492.

[25] «Сборник Муханова», СПб., 1866, стр. 276. Муромец Мешок Кровков значится среди дворян и детей боярских, посланных в 1611 г. по городам для сбора шуб (С. Б. Веселовский. Акты Подмосковных ополчений Земского собора 1611—1613 гг., М., 1911, стр. 23, 25, 30, 41).

[26] СГГиД, т. II, № 154 — грамота царя Василия Шуйского в Пермь от 13 октября 1607 г., ААЭ, т. II, № 81 — грамота царя Василия Шуйского от 19 октября 1607 г.

[27] ААЭ, т. II, № 81.

С. Ф. Платонов[28], был арзамасский служилый человек Баим Болтин, писавший по своим воспоминаниям или по рассказам участников осады Тулы), «царевича» Петра по сдаче города привезли в «полки»[28]. Наш же летописец, как отмечено выше, под «всею землею» имеет в виду служилых людей. Отсюда следует, что «царевич» дал свои показания перед осаждавшим Тулу дворянским войском.

Предпосланное «распросным речам» «царевича» Петра изложение обстоятельств падения Тулы еще не знает той официальной версии, которая создалась, судя по царской грамоте в Пермь от 13 октября 1607 г., тремя днями позже. Таким образом, обнаруживается не одна официальная версия, как думал И. И. Смирнов, когда писал свою книгу о восстании Болотникова[29], а две. Первая появилась по горячим следам событий в день сдачи Тулы, поскольку надо было срочно оповестить «всю землю», т. е. всех находившихся под Тулой служилых людей о самозванстве «царевича». Редактированная наспех и обращенная прежде всего к непосредственным участникам событий в лице служилых людей, она в какой-то мере отражала действительное положение вещей. Подробно и точно перечислены в ней представители тех низших социальных групп и слоев, которые выступили против царя Василия и сдались вместе с «царевичем» Петром и Болотниковым: «и казаки донские, и волские и терские, и черкасы, и всякие многие люди разных городов и тульские жильцы, посадские люди». Вторая версия, наиболее фальсифицированная, возникла позднее. Она предназначалась для распространения среди основной массы населения России, а также для разложения восставших, потому что Калуга и Астрахань еще держались. Противопоставляя «царевича» другим руководителям восстания, эта версия должна была одновременно заронить в среде повстанцев и сомнения в верности Болотникова общему делу. Вероломный царь одним махом хотел нанести удар сразу по двум наиболее признанным вождям движения.

В ней мы находим уже ссылку на «божью милость» и заступничество и помощь «великих чудотворцев», в том числе и «нового страстотерпца благовернаго царевича Дмитрия», благодаря которым осажденные в Туле, «узнав свою вину, нам, великому государю добили челом», ссылку, отсутствующую в составлявшейся наспех первой версии. Добавлены и поставлены на первое место имена князей А. Телятевского и Г. Шаховского, как представителей господствующего класса, наиболее глубоко осознавших свою вину перед царем. Подробное же перечисление противников царя Василия из низших социальных слоев, свидетельствующее об их многочисленности и силе (ведь царю Василию их пришлось отпустить на свободу!) устранено и заменено общим указанием на «тульских сидельцев».

Важно отметить, что другой, хорошо осведомленный современник из служилой среды, автор «Карамзинского хронографа», также не приводит второй официальной версии. Рассказав о тайных переговорах осажденных с Василием Шуйским, о выдаче «царевича» Петра и Болотникова, он сообщает далее, что после сдачи города «ис Тулы в полки прислали к царю Василию вора Петрушку, что назывался царевичем, да князь Ондрея Телятевскова, да вора Ивашка Болотникова»[30].

Версия публикуемого летописца совпадает в главном с версией, приведенной в «Карамзинском хронографе»: ни в той, ни в другой не говорится о выдаче «царевича» Болотниковым. Однако есть и различие. Если наш летописец довольствовался версией, сообщенной под Тулой дворянскому войску, перед которым давал показания «царевич» Петр,

---

[28] С. Ф. Платонов. Столяров хронограф и его автор. «Статьи из русской истории», изд. 2-е, СПб., 1912, стр. 425—427.

[29] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 469, 479.

[30] А. Попов. Указ. соч., стр. 338.

то автор «Карамзинского хронографа» стремится разобраться в происшедшем глубже.

Версия, изложенная в «Карамзинском хронографе», полнее отражает события, предшествовавшие падению Тулы. Но и в «Карамзинском хронографе» не сказана вся правда, которая заключалась в том, что сдаче города предшествовали переговоры «царевича» Петра и Болотникова с Василием Шуйским, в результате которых было заключено соглашение, нарушенное затем царем, воспользовавшимся услугами верхушки тульского посада, захватившей «царевича» и Болотникова в последний момент в свои руки. Но о нарушении царем своего слова дворянские летописцы предпочитали умалчивать. Известия об этом сохранились в записках прижившегося в России и вращавшегося в высших правительственных и церковных кругах архиепископа Елассонского Арсения и некоторых других иностранцев. Подробный разбор этих известий произведен И. И. Смирновым в его книге о восстании Болотникова [31].

Итак, версия летописца полностью совпадает с первой, сообщенной 10 октября 1607 г. служилым людям, участвовавшим в осаде и взятии Тулы. Эта версия, вполне согласуясь с версией «Карамзинского хронографа» и не исключая возможного соглашения Василия Шуйского с «царевичем» Петром и Болотниковым, в то же время решительно противоречит второй официальной версии «об измене» Болотникова.

Отсутствие в первой, более ранней официальной версии сообщения о выдаче Болотниковым вместе с кн. А. Телятевским и кн. Г. Шаховским «царевича» Петра не позволяет, на наш взгляд, принять распространенное в дореволюционной историографии мнение об «измене» Болотникова, которое пытается в настоящее время возродить Д. П. Маковский [32].

В летописце И. И. Болотников назван «боярином» «царевича» Петра. «Боярином» «царевича» Петра совместно с кн. Г. Шаховским назван Болотников и в разрядной записи о взятии Тулы [33]. Эти известия необходимо сопоставить с грамотой патриарха Гермогена, в которой сообщается о том, что восставшие сулили перешедшим на их сторону боярским холопам «боярство, и воеводство, окольничество и дьячество» [34]. Позднее Пугачев раздавал своим приближенным графские титулы.

Из факта наименования И. И. Болотникова «боярином», «первым воеводой» [35] «царевича» Петра еще нельзя делать заключение о подчиненном положении его по отношению к Петру. Действительная роль в событиях И. И. Болотникова определялась не «титулом», а его личными качествами как выдающегося военачальника.

В заключение своего рассказа о восстании И. И. Болотникова летописец сообщает о судьбе «царевича» Петра и Болотникова: «[И приш]ед к Москве, вора [Петрушку] велел повесить [под Даниловым монастырем [по Серпуховской] дороге, а Ивашку велел сослать в Карг[о]поль. Там его в воду посадил[и]». (лл. 43 об.— 114).

С таким же известием о казни «царевича» Петра и Болотникова встречаемся и в «Карамзинском хронографе», где сказано: «Вора Петрушку велел повесить под Даниловым монастырем по Серпуховской дороге, а Ивашка велел сослать в Каргополь и посадить в воду]» [36]. Однако в «Карамзинском хронографе» это известие является вставкой, сделанной позднее другим почерком и другими чернилами в основной текст рукописи, хранящейся в отделе рукописей Государственной Публичной библио-

---

[31] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 472—479.

[32] Д. П. Маковский. Первая крестьянская война в России, Смоленск, 1967, стр. 389—395.

[33] С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 12.

[34] ААЭ, т. II, № 57.

[35] А. Дмитриевский. Архиепископ Елассонский Арсений и его мемуары из русской истории, Киев, 1899, стр. 139.

[36] И. И. Смирнов. Краткий очерк восстания Болотникова. Приложение, стр. 150.

теки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [37]. В двух других известных в настоящее время списках «Карамзинского хронографа», один из которых находится в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ОИДР, № 173, лл. 237—245), а другой обнаружен нами в отделе рукописей Государственного Исторического музея (ГИМ, Ув. 6,1°, лл. 877—979, 1097—1123), его нет. Теперь удалось установить источник, откуда была сделана эта вставка, давно уже привлекшая внимание исследователей.

Верный своей тенденции, о чем бы он ни говорил, не забывать и о событиях на Волге, автор и при последующем повествовании не преминул упомянуть о посылке Федора Шереметьева и Ивана Салтыкова на Балчик «во 116 (1607—1608) году» против восставшей Астрахани, откуда они пришли в Нижний Новгород в 117 (1609—1610) году «с понизовою силою» (л. 114 об.).

Итак, постоянное внимание к событиям в Поволжье, подчеркивание участия поволжских дворян, татар и стрельцов в различных походах, наконец, попытка принять Казань за исходный пункт похода Ермака в Сибирь изобличают в авторе летописца жителя одного из поволжских городов, может быть, Казани, где, как показал М. Н. Тихомиров, уже в 10-х годах XVII в. наблюдался живой интерес к истории «смуты», сохранившийся и позднее [38].

В то же время подробности в описании ругодивского похода и прихода Казы-Гирея под Москву в 1591 г., указания на состав и численность военных сил И. И. Болотникова и понесенных им потерь, подчеркивание роли «всей земли», под которой понимались представители служилых людей, в избрании Бориса Годунова земским собором 1598 г. и другие приведенные выше факты,—заставляют видеть в авторе летописца служилого человека, современника, а возможно, и участника некоторых событий, изложившего их по собственным воспоминаниям или по воспоминаниям других служилых людей в 10-х годах XVII в. простым и лаконичным, чуждым каких-либо литературных украшательств языком.

л. 105 [В лета 7092 мар]та 18 день//судом божиим царя Иоанна Васильевича не стало. И после него остался два царевича Феодор и Димитрий Ивановичи.

Тое же весны мая в 1 день царевич Феодор Иванович сел на государьство отца своего, а брату своему меншему царевичю Димитрию с материю великою княгинею Мариею по приказу и по благословению отца своего царя Иоан[на] [Ва]сильевича дал [удел] град Углеч... // со всем уездом до ево государева возраста. И царевич Феодор венчался царским венцем тое же весны июния в 1 день.

л. 105 об.

В лета 7093 царь Феодор послал голов татарских из Казани Федора Турова да Зеленешенина Волохова, выбрав лутчих людей с Костромы, [и]с Суждаля, и из Ярославля, и из [Володи]мера, и из Арзамаса и[из иных] городов поволеких // . И они ходили до селяных озер, и бився с башкирцы, возвратишася назад.

л. 106

В лета 7094 атаман Ермак Тимофеевич ис Казани с Волги пошел [1]Камою[1] рекою в Сибирск[у]ю землю. А ис Камы вше[л]... рекою Тагилом, а ис Т[аги]ла выгреб в реку в Тур[у].

Того же году боярин князь Андрей Васильевич Труб[ецкой] да князь Симеон Звенигород]ской с товарыщи... крымских лю[дей]... // и на Плаве и под Кияняным. И на тех трех боех взяли живых 374-х человек крымских татар.

Того же лета послал царь Феодор Федора Турова да Залешенина Волохова да воинских людей, которыя преж сего были с ними в сибирских улусах. И Федор [и] Залешенин з башкирцы [и] з сибиряны билися. И бився... острог поставили.

л. 106 об. ...Астрахани каменной [постав]или.//

---

[37] ГПБ, F. IV. 595, л. 541.

[38] М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова, стр. 92.

[1–1] Написано над строкой.

л. 107 В лета 7095 посылал царь Федор воевод своих князя Данила Ивановича Нохтева в немцы за море воевать.

Того же лета крымские царевичи на Кропивне острог взяли и много рускова полону взяли.

Того же лета Симеон Сабу[ров] и Деменша Черемисинов... горной черемисе в Се...ской волости на Цы[виле] [ре]ке город поставили.

В лета 7097 в осень... [из Астра]хани ехал к М[оскве] [крым]ской царевич [Малат-Кирей]... //

л. 107 об. В лето 7096 прояви господь чюдеса блаженаго и праведнаго Василия: жития бе его 88 лет, из них же уродствова 72, преставися в лето 7060.

В лето 7097 поставлен на патриаршество Иев митрополит. И патриарх Иев поставил в Казань в митрополиты Ермоге[на], [а] в Новград Исидора митропо[лита].

...сибирскова царя Кучюма...л Ермак и царицу [его] [и] царевичев побрал [и прислал к] царю к Москве. //

л. 108 В лета 7098 царь Феодор ходил под Ругодев. В болшем полку во[е]вод было: боярин князь Федор Иванович Мстиславской, в правой руке боярин князь [I] Феодор Михайлович Трубецкой да боярин Богдан Юрьевич Сабуров, в пе[ре]довом полку бояря князь Тимофей Романович Трубецкой, да князь Дмитрей Иванович Хворостинин. А было во всех полках городов дворяне и дети боярские тор[е]р[ские], и яицкие и астраха[нские] атаманы [и] [казаки]... // стрелцы, в прибылых полках касимовской царь с татары и романовские мурзы с татары, а казанския и свияжския и чебоксарския и кузмодемьянския и всех городов татарове и нагайския многия качевые татары. Велел немецкую землю воевать, а немец велел пострашать и изо всего наряду бить по Ругодеву с дву сторон, и к Ругодеву велел приступ

л. 109 учинить... немцы ожесточилися, города... и по своему милосердому... тробию // [I]понеже царь Феодор не хотя н[а] приступах христианские крови про[о]лить [I], не велел к Ругодеву пр[и]ступать. И поиде к Москве с[о] всеми людми. А в Ругодове с[и]дел Карлус немчин.

В лета 7099 посылал государь вс[ех] городов дворян на службу в Новгород — дворян и д[е]тей боярских — и всех горо[дов] пошли. И немецкий коро[ль] прислал к государю и бил чело[м], чтоб государь рати своей вое[вати] не посылал. И государь... велел воротить[ся] [служилым] людем

л. 109 об. т... // по новгородцкой дороге и до Новагорода. И в Новегороде велел сказать свое государское жалованье, чтоб дворяне и дети боярские на службу не ходили, ехали б по поместьям своим и по вотчинам. И Тимофей, коих до Новгорода доехал, всех поворотил, а кои люди в Новгород пришли разных городов, и те ходили с князем [Д]анилом Ивановичем Нохтевым [по]д Ямну и под Копорью против [немец], и немец побили.

л. 110 [7099-го] году в июне приходил // под Москву крымской царь. И пришед стал в селе Коломенском. И царь Феодор послал противу его бояр и воевод со многою ратью: в болшем полку боярина князя Феодора Мстиславскаго да шурина своего и конюшего боярина Бориса Феодоровича Годунова, в правой руке боярин князь Никита Романович Трубецкой да боярин Стефан Васильевич Годунов да Фама Афанасьевич Бутурлин, в пер[едовом]

л. 110 об. полку боярин князь [Тимофей] Романович Тру[бецкой] [да] // князь Василей Васильевич Голицын. И крымской царь ис-под Коломенскова прислал колгу царевича и многих князей и мурз и татар. И бой быть царевым воеводам с ними в неделю меж Котла и Московою-рекою к Воробьеву, где ныне пречистая Донская. И крымских людей много побили. И царь Феодор повеле по чюдотворцем и по всем приходам молебны пети. [И] на радости ве-

л. 111 велел в полку [и в Моск]ве: в Деревяном и в Ка[менном] и в Белом городе // и в Китае и в Кремле изо всего наряду — ис пушек и ис пищалей стрелять. И крымской царь [II] услыша такую стрелбу убояся, в другую ночь против понедельника с воскресения побежал ис-под Москвы ис Коломенскова, начевал, перешед Оку от Москвы девяноста верст, а другую ночь начевал за Дедиловым. И бояря и воеводы за ним гнались до Серпухова. И дошед они стали. А за ним по[слали] украиных воевод и крым[ской] на убег пошел

л. 111 об. в [Крым]. //. И царь Феодор прислал под Серпухов за службу свое государево жалованье: бояром и воеводам и всем воином своим, ко всей рати. И велел сказать свое царево жалованье денежное всей земле за службу.

В лета 7100-го в зиме ходили государевы бояря и воеводы в Немецкую землю под Выборг воевать: боярин князь Феодор Михайлович Трубецкой да боярин [кн]язь Феодор Мстиславской, да [Иван] Васильевич Годунов.

[I] Далее «Богдан» взято в скобки, наверху дважды вписано «князь».
[I—I] Взято в рукописи в квадратные скобки.
[II] Царь пропущено.

л. 112 [Того ж]лета приходили крым[ские цареви]чи на Коширу // и к Николаю Зарайскому на Троицын день и много полону взяли.

В лета 7106 генваря в 6 день царь Феодор преставися. Был на государстве 15 лет. После ег[о] осталась царица Ирина Феодор[о]вна и по смерти его в третий день постриглась в Девичьем монастыре.

Тое же зимы сел на государство царь Борис Годунов по пр[о]шению у государыни царицы Ирины Феодоровны всей [земли]. И бысть царем на Мо[скве].

л. 112 об. И того лета царь [Борис ходил] в Серпухов. [И пришед] // из Серпухова, венчался царским венцом 7107 году сентября в 1 день.

В лета 7109 в пост пресвятыя борогодицы, грехов ради наших, во всем Московском государстве хлеб позяб.

В лета 7113 Ростригa назвался царевичем Димитрием.

Того ж лета априллия в 13 день царь Борис умре. И как пришел Ростригa из Литвы на Тулу, и с Тулы послал боярина князя Василия Васильевича [Гол]ицына да князь Василья [Моса]льского. И велел царицу

л. 113 [Марью] Григорьевну с ца[ревичем Фе]одором задушить, // а Годуновых всех разослать в затоки. И как их задушили, и оны Гришка Растригa с Т[у]лы пришел к Москве в радости великой во 113-м году.

В лето 7114 маия в 18 день убили Ростригу. И после убиения его выбран на царьство царем [1] в пятый день.

Того ж году сел на царство царь Василий Шуйской.

В лета 7115 назвался вор в Ро[стр]игино место царевичем Димит[рием] Ивановичем, бутто он [уби]вства царя Василия [отбег]. И услыша о [том

л. 113 об. воре] // князя Андрея Телятевского слуга ево Ивашко Болотников, собрался с ворами, злыми людьми, с украинцы и с рязанцы, тысяч 30. И под Москву пришед ста в Коломенском и хотел Москву осадить, чтоб на Москве ему, вору, крест целовали. И царь Василей послал боярина князя Михаила Васильевича Шуйскаго-Скопина, и божиею милостию вора Ивашку Болотникова отбили, [и] живых взял 700 человек и [побили] полторы

л. 43 тысячи. А з дос[талными] во[ры] Ивашка побежал // в Колугу. А иные воры, товарыщи Ивашковы, царю вину свою принесли.

Того ж лета к нему же, вору, на помочь пришли ис понизовских и ис поволских городех. Назвался вор Михайлов человек Елагина Петрушка царским именем: царя Феодора Ивановича сын. И астраханские и терские и саратовские и са[мар]ские стрельцы крест е[му] [це]ловали. И поцеловав

л. 43 об. [крест], они многих д[ворян побили]. И побив [пошли]... // и не пошед к Москве, пошед на помочь к Ивашке. И стал на Туле.

А другой вор назвался царевичем с воры с литовскими учал в Путимль збиратца.

И как царь Василей Тулу водою потопил,— о том мастер был муромец сын боярской Мешск,— и вор Петрушка и боярин его Ивашко Болотников со всеми [людми] здалися во 116-м году. [И прише]д к Москве, вора

л. 114 [Петрушку] велел повесить [под Даниловы]м монастырем [по Серпуховской] дороге, // а Ивашку, велел сослать в Карг[о]поль. Там его в воду посадил[и].

А вор, кои назвался царевым именем, пошел с Путивля в Кроми. И пришед на Орел, со Орла к Москве на Колугу, и перешел Москву реку вверх позади Тушина, и стал в Тушине. В том же году на речке Взвозе со всеми людьми и острог себе поставил. Да к нему же, вору, пришли от Литвы гетман Петр Сопега до 300, а Зборовской с конными ротами да с черкасы пан... литовской с полком, пан Ст[адницкой] с полком да пан Дербинско[й].

В том же году царь Васи[лий] послал князя Скопина в Нов[город]... //.

л. 114 об. В лета 7117 году немцы пришли в Новград 700 человек: воеводы Яков Фунтусов да Ивергорь. И князь Михаил пошел к Москве. И король литовский иде под Москву, пришед под Смоленск во 117 году. В то время сидел в Смоленску боярин Михайло Шеин да дияк Иван Буйнаков да Афанасей Ермолин. Федор Шереметьев, Иван Салтыков послан на Балчик во 116 году, и пришед в Нижний во 117 году с понизовою силою.

[Ле]та 7118 году Ружинской услыша про ско...ства пошли ис Тушина под Смоленск. [А] вор тушинской з бояры своими... и воры пошли ис Тушина [в Колугу].

---

[1] Имя царя не названо.